

Л. П. Марней

Развитие денежно-кредитной системы Российской империи первой четверти XIX в. в проектах М. М. Сперанского и Д. А. Гурьева

В первой четверти XIX в. в Российской империи проводились политические, административные, социальные преобразования, которые затронули и сферу финансов. Главная задача созданного в 1802 г.¹ Министерства финансов состояла в том, чтобы, не «отягощая народ», заботиться о поступлении доходов, способных обеспечивать государственные расходы². Структурные изменения финансового ведомства, подтвержденные в 1811 г. в «Общем учреждении министерств»³ и в «Учреждении Министерства финансов»⁴, оказывали влияние на финансовую политику, направленную на усовершенствование «всех отраслей финансов, как то: приходов, расходов, государственного кредита, банков и образа управления оными». Эти изменения, которые разрабатывались в планах финансов М. М. Сперанского и Д. А. Гурьева, должны были соответствовать российским «законам, обычаям» и состоянию финансов⁵, способствовать формированию одной из важнейших отраслей государственного хозяйства, поддерживать осуществление задуманных Александром I и М. М. Сперанским реформ.

Состояние российских финансов с начала XIX столетия находилось на грани банкротства и требовало принятия чрезвычайных мер по их оздоровлению. Одной из главных причин такого затруднительного положения было значительное число находившихся в обращении ассигнаций, «которые, — по мнению Д. А. Гурьева, — составляют главнейшую, после войны, причину умно-

жения расходов, возвышения налогов, понижение курса и дороговизны на все произведения»⁶. Несмотря на то что с 1780-х гг. предпринимались попытки изъятия ассигнаций из обращения, долгосрочные мероприятия, призванные остановить процесс обесценивания бумажных денег, прекратить финансирование расходов казны за счет дальнейшей денежной эмиссии и обеспечить приток значительного числа доходов, не разрабатывались. Обострение ситуации в начале XIX в. было вызвано и сложной международной обстановкой. Военные действия по всей Европе привели к тому, что нельзя было рассчитывать на внешние заимствования, торговля в результате присоединения к континентальной блокаде находилась в тяжелом положении, золото и серебро исчезало из обращения⁷. Все это существенным образом затрудняло проведение военных кампаний и осуществление политических, административных и финансовых преобразований, проводимых в первой четверти XIX в. Когда в заранее представленной императору смете на 1810 г. не нашлось других способов ликвидировать дефицит бюджета, кроме как выпустить ассигнации, в ноябре 1809 г. М. М. Сперанскому было поручено подготовить план финансов⁸.

В течение двух месяцев над проектом финансовых преобразований работали М. А. Балугьянский, Ф. Х. Вирст, Л. К. Якоб. По утверждению М. А. Корфа, М. М. Сперанский, хотя и не обладал познаниями в финансовой сфере, остался недоволен разработанным планом. Поэтому М. А. Балугьянский на основе своей ранней работы, понравившейся М. М. Сперанскому, написал «обширную записку на французском языке», которую государственный секретарь перевел на русский язык, «но в другой форме и со многими переменами и дополнениями»⁹.

Подготовленный М. М. Сперанским план, основные положения которого состояли в прекращении выпуска ассигнаций, создании капитала погашения, организации монетной системы, устройстве доходов и расходов, развитии внешней торговли¹⁰, 1 января 1810 г. Александр I передал для рассмотрения, наряду с проектом гражданского уложения, председателю Государственного совета¹¹. По свидетельству М. А. Корфа, «чтобы еще более обеспечить <...> успех» плана, М. М. Сперанский разделил его на две части («Временное устройство финансов на 1810-й год» и «Постоянное устройство финансов на будущее время с 1810 года»)¹². Тем не менее предлагаемые преобразования не получили однозначной поддержки Департамента государственной экономии. Так, М. Б. Барклай-де-Толли отмечал, что «краткость времени не позволяет обдумывать новой системы финансов, почему все меры могут теперь быть только временные»¹³.

В феврале 1811 г. М. М. Сперанский, а не назначенный 1 января 1810 г. на должность министра финансов Д. А. Гурьев, представил Александру I отчет о реализации плана финансов, в котором отмечал, что только некоторые части финансового плана «обработаны и изданы; другие <...> и теперь еще остаются без действия»¹⁴. Поэтому, утверждал государственный секретарь, необходимо

было, наряду с завершением работ по составлению гражданского, судебного, уголовного уложений, устройству судебного и правительствующего сената, наведения порядка в судебной и исполнительной власти в губерниях, «рассмотреть и усилить способы к погашению долгов» и «основать государственные ежегодные доходы: <...> введением новой переписи <...> образованием поземельного сбора <...> новым устройством винного дохода <...> лучшим устройством дохода с казенных имуществ»¹⁵. Весьма вероятно, что М. М. Сперанский рассматривал подготовку плана финансов как часть программы политических и административных преобразований, его реализация должна была стать основой их финансового обеспечения, а в долгосрочной перспективе позволила бы правительству эффективно распределять ресурсы в интересах расширяющейся империи и обеспечивать чрезвычайные военные расходы.

М. М. Сперанский считал, что «много было потеряно времени, и часто самые нужные положения не выходили к своему сроку единственно потому, что, стекаясь в одни руки, они не могли быть скоро приуготовлены»¹⁶. Можно предположить, что речь идет о Д. А. Гурьеве, на которого М. М. Сперанский возложил ответственность за то, что реализация плана шла с большими трудностями¹⁷.

Очевидно, что получивший должность министра финансов не без поддержки М. М. Сперанского Д. А. Гурьев, который был хорошо знаком с планом государственного секретаря, так как принимал участие в его обсуждении, был согласен не со всеми его положениями. 29 августа 1810 г. Д. А. Гурьеву было направлено высочайше утвержденное мнение Государственного совета, в котором говорилось о необходимости «с 1812 года все правила, в плане финансов об учреждении расходов постановленные, привести в действие, исключая переложение счетов на серебро, что предоставить ближайшему соображению министра финансов, если откроет он возможность к исполнению»¹⁸. Д. А. Гурьев в ответ на это предложение отметил, что «определение ежегодно постоянного курса ассигнациям на серебро представит самые важные неудобства; что ни одно правительство не надеялось сим средством поправить достоинство своих кредитных бумаг, ни уменьшить замешательство, с упадком их сопряженное». Далее министр финансов обращал внимание на то, что прекращение «выпуска ассигнаций и меры к их погашению уже предохраняют их от большего падения и ведут к улучшению их достоинства», а «установление постоянного для них курса показало бы недоверчивость к успешности первой меры» и что подобного рода распоряжение, констатировал он, «обратилось бы только к поощрению ажиотажа»¹⁹.

Тем не менее открыто выступить против своего покровителя Д. А. Гурьев не решился. Ситуация изменилась в начале 1812 г., когда он «уже был в распри со Сперанским и перестал его беречь»²⁰, а увольнение государственного секретаря от службы 17 марта 1812 г. предоставило Д. А. Гурьеву возможность уже 20 марта обратиться к Александру I со всеподданнейшей запиской, в которой он предложил «возложить на особый Комитет рассмотрение всех принятых с 1810 года мер». В том числе для «утверждения доверия к государственным ассигнациям»

министр финансов предлагал «распространить круг их обращения» и тем самым «возвысить им цену относительно серебра», что должно было показать «совершенное отдаление от системы, признававшей их обременительным долгом, а не знаками государственной монеты»²¹. Согласие императора с суждениями министра позволило Д. А. Гурьеву направить в Государственный совет представление «о расширении круга обращения» бумажных денег²². В результате был принят манифест от 9 апреля 1812 г., в соответствии с которым вводилось «повсеместное единообразное обращение государственных банковых ассигнаций»²³. Несмотря на недостаток серебра в казне, благодаря манифесту от 9 апреля 1812 г. у российского правительства появилась возможность поддержать курс ассигнаций «при предстоявших крупных выпусках на военные нужды»²⁴, выплачивать жалованье войскам во время Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии, обеспечивать стабильность денежной системы, когда было принято решение об обращении ассигнаций за границами империи²⁵.

Однако после завершения военных действий потребовалась пересмотреть финансовую политику, в том числе и план М. М. Сперанского, необходимость изменения которого была заложена в решении Государственного совета. На заседаниях Департамента экономии отмечалось, что рассмотрение плана требовало много времени, а создание «с 1811 г. прочной системы финансов», к введению которой Министерство финансов должно было «заблаговременно» принять «все нужные предварительные меры», являлось настоятельной необходимостью. Поэтому план приняли практически без обсуждения, предполагая его дальнейшую корректировку²⁶.

В 1814 г. Д. А. Гурьевым был разработан новый финансовый план, в котором он предлагал восстановить равновесие между государственными «расходами и доходами», «уменьшить количество ассигнаций», повысить оклады «жалованья, как для армии, так и для гражданских по губерниям чиновников, по уважению нынешней дороговизны»²⁷.

М. М. Сперанский, оценивая предложенный проект, утверждал, что главная задача плана 1814 г. была та же, что и плана 1810 г.: «...остановить дальнейший выпуск ассигнаций, <...> и привести их в равенство с серебром»²⁸. Схожесть планов состояла и в том, что план 1814 г. также состоял из двух частей: «Предварительные меры», которые необходимо было принять «до установления мер решительных» и «Способы коренного улучшения финансов», включавшие «учреждение государственного кредита», государственных расходов и доходов, а также организацию «управления по всем частям финансов»²⁹.

В «Плане для приведения финансов в надлежащее устройство» 1814 г. Д. А. Гурьев определил основной принцип, которыми он руководствовался в дальнейшем при разработке мероприятий, призванных улучшить состояние российских финансов. Источники доходов «так изобильны», отмечал он, что можно исправить финансовую ситуацию, «не производя всеобщего потрясения и не обременяя народ новыми налогами»³⁰.

Для этого, по мнению Д. А. Гурьева, следовало преобразовать систему внутренних и внешних долгов «установлением долга прочным доходом обеспеченного», для которого определялся «особенный источник дохода, отдельно от всех прочих расходов, единственно на платеж процентов». Далее Д. А. Гурьев подчеркивал, что это «исключительное назначение составляет главное основание *долга обеспеченного*». При этом проценты должны были выплачиваться «как во время мира, так и во время войны, и дружественным и неприязненным нациям, без всякого различия»³¹. Министр финансов считал, что для каждого, кто пожелал бы отдать «капитал свой в заем правительству», таких вкладчиков он называл «капиталистами», это было бы «равносильно покупке недвижимого имения». В первом случае «капиталист» пользовался «беспрерывно процентами», а во втором — «доходами». Кроме того, он мог «уступить <...> за наличные деньги право на капитал свой по цене произвольной, так точно как продать какое-либо имение». Отличие состояло в том, отмечал Д. А. Гурьев, что «доходы с имущества подвержены разным изменениям», а обеспеченный доход «есть всегда постоянный и прочный». Кроме того, две существенные выгоды: «уверенность в получении <...> дохода для себя и наследников и право располагать произвольно <...> капиталом», делали участие в этих займах привлекательными для «капиталистов»³². Вводить подобную систему, не разрушая «порядка существующего», по мнению Д. А. Гурьева, необходимо было постепенно из-за того, что общество могло ее не принять. Управление новой системой министр финансов предлагал возложить на Комиссию погашения долгов, главные обязанности которой состояли бы в ведении Государственной книги долгов, внесении в нее займов, выдаче по ним облигаций, переводе средств за границу и т. д., а кроме того «уменьшении количества ассигнаций». При открытии нового займа необходимо было назначить особенный источник дохода на платеж процентов и капитала³³.

В плане 1814 г. изъять ассигнации из обращения «без насильственных мер» предлагалось, во-первых, с помощью «выкупа <...> для уничтожения их посредством капитала» или специально назначенного для этого дохода, во-вторых, «добровольного обращения некоторого количества ассигнаций в долг обеспеченный», и, в-третьих, создание «банка на серебре»³⁴. Реализация этих мер, по мнению Д. А. Гурьева, через «два или три года» должна была привести к «поправлению промена, курса и цен», однако в течение этого времени необходимо было отказаться от новых выпусков ассигнаций, «сохранять в <...> тайне настоящее их количество, давать выгодное направление общему мнению, возбуждая в народе доверенность мерами кроткими и благоразумными», и «приводить план государственного кредита в исполнение постепенно и с надлежащей осмотрительностью»³⁵.

Способствовать сокращению количества ассигнаций должен был и банк на серебре. Министр финансов полагал, что после создания банка «посредством акций», если определенная «часть капитала вносима была ассигнациями по курсу», можно было бы сразу уменьшить значительное число бумажных

денег. В дальнейшем предполагалось выкупить «еще часть ассигнаций» на билеты банка. Однако нельзя было реализовать этот план «в самом начале установления кредитной системы», потому что «билеты банка <...> быв основаны на серебре, должны иметь исключительный ход в торговых оборотах», поэтому, считал Д. А. Гурьев, «кредит нынешних ассигнаций» мог быть подвергнут «чрезвычайному потрясению». Кроме того, если на билеты банка обменяли бы «значительное количество ассигнаций» или использовали существенную «часть банкового капитала», это негативно сказалось бы на кредите банка. Подобная мера, полагал Д. А. Гурьев, «в существе своем будет не иное что, как насильственная перемена старых бумажных денег на новые, что совершенно испровергнет кредит и тех и других». Следовательно, создание банка на серебре произойдет тогда, «когда приспееет к тому время», а для того чтобы «переход от старого порядка <...> к новому сделать <...> нечувствительнее и легче», министр финансов считал необходимым пересмотреть уставы Ассигнационного и Заемного банков, а также создать Коммерческий банк³⁶.

По мнению М. М. Сперанского, реализация плана 1814 г. началась с учреждения Комиссии погашения долгов в 1817 г.³⁷ Однако за год до ее создания, в апреле 1816 г., Д. А. Гурьев представил Александру I «плод шестилетних опытов и наблюдений в управлении финансов»³⁸ — «Проект общего плана финансов», первая глава которого была посвящена государственным расходам, вторая государственным доходам и в заключении содержались предложения «об окончательном образовании управления финансов»³⁹. План 1817 от плана 1814 г. отличало то, что его дополнял и разъяснял проект «О приведении в исполнение плана финансов»⁴⁰ и в плане 1817 г. ничего не было сказано о создании банка на серебре. Д. А. Гурьев объяснял это тем, что в тот период при чрезмерном количестве ассигнаций нельзя было найти 50 или 100 млн серебра для создания капитала банка⁴¹.

В соответствии с манифестом от 16 апреля 1817 г. «О создании Государственной комиссии погашения долгов» ассигнации необходимо было постепенно «извлекать <...> из обращения до того времени, пока оные не приблизятся к достоинству звонкой монеты»⁴². Через год, в апреле 1818 г., Д. А. Гурьев в письме военным и гражданским губернаторам отмечал, что в обращении возросло значительное число «серебряной и золотой монеты» и стал ощущаться «недостаток в ассигнациях». Это затрудняло сбор государственных податей и приводило к накоплению недоимок. Тем не менее министр финансов подтвердил, что согласно манифесту от 9 апреля 1812 г. все государственные подати и сборы принимаются только государственными ассигнациями и медной монетой⁴³. Вместе с тем 5 декабря 1818 г. Д. А. Гурьев обратился в Государственный совет с представлением «о расширении обращения звонкой монеты» и о разрешении принимать звонкую монету «в казну по питейному сбору»⁴⁴. Предложение получило поддержку Департамента экономии, однако возможная оплата некоторой части податей серебром привела бы к падению курса ассигнаций, поэтому

Д. А. Гурьев в феврале 1819 г. через Комитет министров «испросил высочайшее разрешение на отклонение ходатайства <...> губернаторов» о возможной уплате части податей серебром⁴⁵.

В начале 1820-х гг., по мнению Д. А. Гурьева, состояние российских финансов позволяло провести определенную корректировку курса финансовой политики. Несмотря на то что в апреле 1823 г. Д. А. Гурьев был уволен от должности министра финансов, он передавал в Комитет финансов свои проекты, в том числе и подготовленный 14 августа 1823 г. план финансов, в котором предлагалось «приступить к окончательному устройству финансовой системы государства, основанной на металлической монете» и перевести в течение 12 лет «все финансовые операции» на серебряную монету⁴⁶.

Новый проект «Об окончательных мерах финансового плана 1817 года» состоял из четырех частей.

Первая была посвящена созданию «банка на серебре», который, как полагал Д. А. Гурьев, мог «быть основан на капитал или от общества акционеров, или от правительства». Отдавая предпочтение акционерной форме, Д. А. Гурьев отмечал, что, прежде чем он будет создан, необходимо было, соединив Коммерческий и Заемный банки, учредить «Государственный Российский Банк». Капитал банка в 23 млн руб. серебром «из займа Ротшильда» предполагалось направить «на пособие земледелию, торговле и промышленности»⁴⁷.

Государственный российский банк должен был, в отличие от ранее существовавших банков, «производить все свои операции серебряной монетой», а не ассигнациями. По плану 1823 г. на Государственный российский банк возлагались: «1. Выпуск и обращение банковых бумаг, платимых немедленно по предъявлении серебром. Покупка золота и серебра. 2. Вклады. 3. Внутренние и внешние из одного города в другой переводы. 4. Учет векселей, тратт билетов Сохранной казны и прочих коммерческих бумаг. 5. Ссуды под залог недвижимых имений и товаров»⁴⁸.

Банк «соразмерно наличному капиталу <...> состоящему из звонкой монеты», должен был выпустить банковские билеты достоинством в 10, 25, 50, 100, 500 и 1000 руб. Если бы у банка возникла необходимость «умножить звонкую монету в своей кассе», тогда он мог купить серебро как внутри государства, так и за его пределами и «чеканить рубли» на Монетном дворе⁴⁹.

Распространению банковских билетов в обращении должно было способствовать установление биржевого курса на серебряную монету; взимание пошлин на таможах через шесть месяцев после открытия банка «серебром или банковыми билетами»; предписание всем казначействам и прочим казенным местам, чтобы они принимали банковские билеты «в равной цене с серебром». Серебром или банковскими билетами банк должен был производить учет векселей и прочих кредитных бумаг, «прием вкладов и трансферты», а также ссуды под залог товаров, недвижимых имений и т. д. Цель выпуска банковских билетов состояла в том, чтобы они использовались в сделках

только в больших городах, «оставляя <...> в народном обращении одну звонкую монету»⁵⁰.

Банк мог принимать на хранение серебро, «золото в слитках», изделия из этих металлов, российскую и иностранную золотую и серебряную монету, документы и денежные обязательства. На прежних условиях, но только «на серебро» происходили бы внутренние и внешние переводы «из одного города в другой»⁵¹.

По плану Д. А. Гурьева, банк наряду с краткосрочными («под залог товаров российского производства», «золота и серебра в слитках и разной иностранной звонкой монеты», «билетов Опекунского совета и Комиссии погашения долгов») должен был выдавать и долгосрочные кредиты («под залог недвижимых имений, мануфактур, фабрик и проч.»). Кроме того, покупать по курсу, в случае необходимости, «билеты Комиссии погашения долгов на звонкую монету». Выдавая кредит Казначейству, банк тем самым помогал ему выполнять необходимые платежи, когда из «504 уездных казначейств», расположенных «на пространстве многих тысяч верст», происходили постоянные задержки с поступлением доходов. Краткосрочные операции Коммерческого банка, совершенные ассигнациями, необходимо было завершить в течение шести месяцев. Двенадцать лет отводилось на уплату долгосрочных ссуд Заемного банка, в течение которых предлагалось «ликвидировать вклады посредством сумм, розданных банками в ссуды и проч.», «превратить их во вклады серебром по курсу», «обратить их в фонды Комиссии погашения, приносящие непрерывный доход серебром», «заплатить их наличными деньгами»⁵².

При открытии банка Д. А. Гурьев предлагал объявить следующее:

А, Что Банк, производя все свои операции токмо серебряной монетой, будет принимать вклады не иначе, как серебром, или, что все равно, своими билетами.

В, Что ассигнационные вклады, поступившие в Коммерческий банк, будут возвращаемы по востребовании вкладчика ассигнациями, но впредь таковые не принимаются.

С, Что вклады, внесенные разными казенными местами в Заемный банк, ныне же обращаются на серебро по биржевому курсу.

Д, Относительно вкладов, поступивших в Заемный банк от частных лиц, открывается особый заем, в который принимаются одни токмо билеты, выданные на сии вклады.

Е, Сии билеты принимаются в заем с обращением капитала на серебро по биржевому курсу.

Ф, Таковые капиталы составляют обеспеченный долг, приносящий непрерывного дохода 6% серебром; при сем назначаются 2% погашения для уплаты капитала.

Г, Те вкладчики, кои на сие не согласятся, могут переменить свои билеты в Банке по курсу на билеты серебром, приносящие как и прежде 5%.

Н, Наконец тем вкладчикам, кои не примут ни одного из сих двух условий, возвратятся вклады наличными ассигнациями в течении трех месяцев по закрытии займа»⁵³.

Реализация этих мер, полагал Д. А. Гурьев, могла привести к тому, «что большая часть капиталов или променены будут на вклады серебром, или обращены в обеспеченный долг, приносящий 6% непрерывного дохода»⁵⁴.

Вторая часть плана финансов была посвящена «переводу ассигнационных долгов Комиссии погашения на серебро». По мнению Д. А. Гурьева, суть этой операции состояла в «своевременной уплате срочных долгов» и постоянном погашении долгов бессрочных, что должно было «значительно изменить состояние всех оных к 1835 году». В Государственной долговой книге остались бы «только бессрочные долги», часть которых предполагалось выкупить «посредством непрерывного действия погашения»⁵⁵. Окончательно перевести долги на серебро планировалось в 1833 г. с помощью займа, «в который принимаемы будут одни только ассигнационные фонды Комиссии погашения». Несогласным с этим предложением «капиталистам» предлагалось выдавать необходимые суммы в том случае, если они были в банке, «наличными деньгами». Кроме того, «кредиторы займа сего, — отмечал Д. А. Гурьев, — получают 20% премию и 5% непрерывного дохода. <...> Таким образом, все долги ассигнациями будут или выплачены, или обращены на серебро»⁵⁶.

В третьей части плана Д. А. Гурьев рассматривал «способ обращения государственных доходов и расходов на серебряную монету», реализация которого должна была начаться на третий или четвертый год после создания банка, «когда в обращении будет достаточно банковых бумаг и серебряной монеты»⁵⁷.

В течение пяти или шести лет, не принимая ассигнации в платеж податей, предполагалось перевести эту операцию «на серебро». Реализация этих мер должна была способствовать тому, что ассигнации, достоинство которых поддерживало бы «ежегодное извлечение из обращения значительного количества их» по постоянной цене, остались бы «в обращении только между частными людьми». В результате этого ассигнации стали бы «новым родом счетной монеты». Д. А. Гурьев полагал, что «на пятый год может быть начато и обращение жалованья на серебро», а «постоянство цены ассигнаций облегчит и сделает удобным» обмен их «на банковые бумаги». По его мнению, «все цены вообще будут менее изменяемы, государственные <...> расходы определительные, а подати более уравнительны и легче»⁵⁸.

В четвертой части плана «Общее соображение об извлечении ассигнаций из обращения и о мерах, предполагаемых к доставлению денежным оборотам достаточных способов» Д. А. Гурьев отмечал, что в 1823 г. «масса обращающихся ассигнаций составляла 563 526 525 рублей». Если бы было принято решение извлечь их все и сразу, «то затруднения и расстройство, которое бы от того произошли, как по государственным оборотам, так и по частным сделкам и платежам, того бы не дозволили», поэтому и было предложено провести эту операцию

«в течение 12 лет»⁵⁹. Предусмотренное в первых трех частях плана «постепенное введение в обращение звонкой монеты», полагал Д. А. Гурьев, «не чувствительно будет ограничивать ход ассигнаций», которые ежегодно предполагалось изымать из обращения⁶⁰.

Между тем «билеты Российского банка, — отмечал Д. А. Гурьев, — имея ход непринужденный, должны служить пособием для значительных только оборотов, как по счетам государственного казначейства, так и по коммерции и промышленности, а не так как ассигнации, во всех платежах имеющие ход принужденный». Поэтому «масса звонкой монеты, обращающейся в государстве, даст движение всем прочим счетам и платежам». По мнению Д. А. Гурьева, опыт показывал, «что бумажная монета всегда вытесняет звонкую монету из обращения. Напротив, где она уничтожается, там появляется и заступает ее место золото и серебро»⁶¹.

Вместе с тем Д. А. Гурьев понимал, «что никакие законы и строгие меры не могут остановить вывоза звонкой монеты за границу, когда торговые внешние сношения представляют к тому выгоду»⁶². Несмотря на это, он не сомневался в том, что оставшейся в государстве «золотой, серебряной и медной монеты» будет достаточно «на все обороты» при «постоянной цене всех произведений и определительности счетов»⁶³.

Согласно плану 1817 г., правительством было создано «прочное основание общественному кредиту», улучшены «некоторые источники доходов» и преобразованы «разные части в управлении финансов». Д. А. Гурьев считал необходимым продолжить эти начинания и, в соответствии с предложенными в плане 1823 г. окончательными мерами по совершенствованию финансовой системы Российской империи, в течение двенадцати лет постепенно уничтожить бумажные деньги, обратить «все счета в государстве на звонкую монету», усовершенствовать систему государственных долгов и кредита⁶⁴.

Комитет финансов, рассмотревший план Д. А. Гурьева, не одобрил «коренные перемены в системе финансов»⁶⁵, и был совершенно противоположного «мнения с изложенными в проекте, как главными, так и частными мерами»⁶⁶, поэтому представил отрицательный отзыв, в том числе и потому, что, по мнению комитета, этот план не был «окончание или довершение плана 1817 года, но начинание новое и первому во многих отношениях противоположное»⁶⁷.

В журнале Комитета финансов отмечалось, что «переложение» ассигнаций «на серебро» с помощью банка, «учреждаемого на серебре <...> в плане 1817 года почитался бесполезным и даже вредным», а в плане 1823 г. было представлено «главным и единственным средством к окончательному устройству финансов»⁶⁸. Что касалось серебряных билетов, то «введение их», по мнению комитета, было «крайне опасно, ибо оно может сильно повредить государственному кредиту, поселив если не в просвещенной публике, то в массе народа мысль, что правительство по невозможности вновь выпускать ныне существующие ассигнации за обнародованным о том обещанием, прибегло к сему извороту под другим токмо наименованием»⁶⁹.

Александр I, утвердив мнение комитета⁷⁰, тем самым отклонил план финансов 1823 г., в котором Д. А. Гурьев представил «в совокупности» все, что было разработано и отчасти реализовано в финансовых планах с 1810 по 1817 г.⁷¹

Таким образом, финансовые планы М. М. Сперанского и Д. А. Гурьева способствовали формированию финансовой политики российского правительства в краткосрочной и долгосрочной перспективах. Наряду с необходимостью объединения всех источников доходов под управлением Министерства финансов, большое внимание в проектах первой четверти XIX в. уделялось денежному обращению как одному из основных элементов финансовой системы, стабильность которого являлась неотъемлемой частью успешной финансовой политики. Несмотря на некоторые отличия, можно говорить о единой программе развития российских финансов, призванной создать основу политическим, административным, финансовым преобразованиям и стать эффективным инструментом объединения достаточно ограниченных ресурсов в интересах расширяющейся империи.

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание I (далее — ПСЗ-1). СПб., 1830. Т. 27. № 20406. С. 243–248.

² ПСЗ-1. Т. 27. № 20406. С. 245.

³ ПСЗ-1. Т. 31. № 24686. С. 686–719.

⁴ Там же. № 24688. С. 728–756.

⁵ Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 560. Оп. 10. Д. 71. Л. 48 об.

⁶ Там же. Л. 47 об.

⁷ Отчет в делах 1810 года, представленный императору Александру I М. М. Сперанским 11-го февраля 1811 года // Сборник Императорского Русского Исторического Общества (далее — Сб. РИО). Т. 21. СПб., 1877. С. 452.

⁸ Корф М. А. Жизнь графа Сперанского. СПб., 1861. Т. 1. Ч. 2. С. 189.

⁹ Там же. С. 192.

¹⁰ Там же. С. 203.

¹¹ Архив Государственного совета. Царствование императора Александра I (с 1810 по 19 ноября 1825 г.). Журналы по делам Департамента государственной экономии (далее — АГС). СПб., 1881. Т. 4. Ч. 1. С. V–VI.

¹² Корф М. А. Жизнь графа Сперанского. Т. 1. Ч. 2. С. 112.

¹³ АГС. Т. 4. Ч. 1. Стб. 21–22.

¹⁴ Сб. РИО. Т. 21. С. 455.

¹⁵ Там же. С. 459.

¹⁶ Сб. РИО. Т. 21. С. 458.

¹⁷ О силе правительства. (Записка М. М. Сперанского) // Русская старина. 1902. № 12. С. 498–499; Пермское письмо Сперанского к императору Александру I // Шильдер Н. К. Император Александр Первый его жизнь и царствование. СПб., 1897. Т. 3. С. 520–521.

¹⁸ ПСЗ-1. Т. 31. № 24335. С. 338.

¹⁹ Цит. по: Корф М. А. Жизнь графа Сперанского. Т. 1. Ч. 2. С. 210.

²⁰ Там же. С. 210.

²¹ Печерин Я. И. Исторический обзор росписей государственных доходов и расходов с 1803 по 1843 год включительно. СПб., 1896. С. 40.

- ²² Гурьев А. Н. Денежное обращение в России в XIX столетии. Исторический очерк. СПб., 1903. С. 66–67.
- ²³ ПСЗ-1. Т. 32. № 25080. С. 280–282.
- ²⁴ Министерство финансов 1802–1902. СПб., 1902. Ч. 1. С. 67–68.
- ²⁵ ПСЗ-1. Т. 32. № 25315. С. 505–506.
- ²⁶ АГС. Т. 4. Ч. 1. Стб. 22–23.
- ²⁷ РГИА. Ф. 560. Оп. 10. Д. 71. Л. 47 об. — 48.
- ²⁸ Записка о монетном обращении графа Сперанского с замечаниями графа Канкринна. СПб., 1895. С. 12–13.
- ²⁹ РГИА. Ф. 560. Оп. 10. Д. 71. Л. 66 об. — 67 об.
- ³⁰ Там же. Л. 67.
- ³¹ Там же. Л. 76–77.
- ³² Там же. Л. 77 об. — 78.
- ³³ Там же. Л. 79 об. — 80 об.
- ³⁴ Там же. Л. 87 об. — 88.
- ³⁵ Там же. Л. 90 об. — 91.
- ³⁶ Там же. Л. 91 об. — 93 об.
- ³⁷ Записка о монетном обращении... С. 13.
- ³⁸ РГИА. Ф. 560. Оп. 10. Д. 93. Л. 38.
- ³⁹ Там же. Л. 40.
- ⁴⁰ Там же. Л. 25.
- ⁴¹ РГИА. Ф. 560. Оп. 22. Д. 24. Л. 67 об.
- ⁴² ПСЗ-1. Т. 34. № 26791. С. 202. С. 192–208.
- ⁴³ РГИА. Ф. 560. Оп. 6. Д. 100. Л. 12–14.
- ⁴⁴ АГС. Т. 4. Ч. 1. Стб. 579–594.
- ⁴⁵ Гурьев А. Н. Денежное обращение в России в XIX столетии. С. 74–75.
- ⁴⁶ РГИА. Ф. 560. Оп. 22. Д. 24. Л. 76 — 77 об.
- ⁴⁷ Там же. Л. 77 об. — 78.
- ⁴⁸ Там же. Л. 79 об. — 80.
- ⁴⁹ Там же. Л. 80 об. — 81.
- ⁵⁰ Там же. Л. 81–83.
- ⁵¹ Там же. Л. 83 об. — 85.
- ⁵² Там же. Л. 80–90.
- ⁵³ Там же. Л. 97–98.
- ⁵⁴ Там же. Л. 98 — 98 об.
- ⁵⁵ Там же. Л. 105–106.
- ⁵⁶ Там же. Л. 108 — 109 об.
- ⁵⁷ Там же. Л. 114 об. — 115.
- ⁵⁸ Там же. Л. 115–116.
- ⁵⁹ Там же. Л. 116 — 116 об.
- ⁶⁰ Там же. Л. 118.
- ⁶¹ Там же. Л. 118 об. — 119 об.
- ⁶² Там же. Л. 119 об.
- ⁶³ Там же. Л. 120 — 121 об.
- ⁶⁴ Там же. Л. 121 об. — 122.
- ⁶⁵ Там же. Л. 29.
- ⁶⁶ Там же. Л. 24 — 24 об.
- ⁶⁷ Там же. Л. 29 об. — 30.
- ⁶⁸ Там же. Л. 30 — 30 об.
- ⁶⁹ Там же. Л. 32 об.
- ⁷⁰ Там же. Л. 24.
- ⁷¹ Там же. Л. 56 — 56 об.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Л. П. Марней. Развитие денежно-кредитной системы Российской империи первой четверти XIX в. в проектах М. М. Сперанского и Д. А. Гурьева // Петербургский исторический журнал. 2025. № 2. С. 70–82

Аннотация: В статье рассмотрены планы финансовых преобразований, разработанные М. М. Сперанским и Д. А. Гурьевым в первой четверти XIX в., основное внимание в которых уделялось развитию денежно-кредитной системы, одной из основных составляющих экономической безопасности Российской империи. С 1802 г., когда было создано Министерство финансов, и до подготовки в 1823 г. очередного проекта плана финансов происходило формирование стратегии, направленной на усовершенствование управления финансовым ведомством, мобилизацию материальных ресурсов, укрепление денежного обращения, стабилизацию финансовой системы Российской империи. Финансовые планы государственного секретаря и министра финансов, несмотря на некоторые отличия и особенности, показывают, что это была единая программа развития российской финансовой системы, которая была направлена на консолидацию в финансовом ведомстве всех источников доходов, позволяла обеспечивать независимость денежно-кредитной системы, проведение административных и политических реформ, способствуя, в том числе, экономическому и политическому укреплению Российского государства.

Ключевые слова: Российская империя в первой четверти XIX в., финансы, финансовая политика, денежно-кредитная система, планы финансов, М. М. Сперанский, Д. А. Гурьев.

FOR CITATION

L. P. Marney. Development of the Monetary and Credit System of the Russian Empire in the First Quarter of the 19th Century in Projects of M. M. Speransky and D. A. Guryev // Petersburg Historical Journal, no. 2, 2025, pp. 70–82

Abstract: In the early 19th century, two Russian statesmen, Secretary of State Mikhail Speransky and Minister of Finance Dmitry Guryev, proposed financial reforms with a particular emphasis on the development of the monetary system, a key component of the economic security of the Russian Empire. This strategy, which sought to enhance financial management, mobilise material resources, strengthen monetary circulation and stabilise the Empire's financial system, had been in development since 1802, when the Ministry of Finance was established, and continued until 1823, when the subsequent finance plan was formulated. Despite the presence of certain discrepancies and idiosyncrasies, the finance plans devised by Speransky and Guryev constituted a unified programme for the development of the Russian financial system. The objective of this programme was to consolidate all revenue streams within the jurisdiction of the Ministry of Finance, to ensure the autonomy of the monetary system, to facilitate the implementation of administrative and political reforms, and, in general, to enhance the resilience and stability of the Russian Empire's economic and political systems.

Key words: Russian Empire in the first quarter of the 19th century, the finance policy, monetary system, plans of finance, M. M. Speransky, D. A. Guryev.

Автор: **Марней, Людмила Петровна** — к. и. н., старший научный сотрудник Отдела истории славянских народов Центральной Европы в новое время Института славяноведения РАН (Москва, Россия).

Author: **Marney, Liudmila Petrovna** — PhD in History, senior scholar, Department of the History of Slavic Peoples of Central Europe in Modern Period, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: mlss@bk.ru

ORCID: 0000-0001-6770-959X